

я
памятник себе
заваз керуянвар
не за

Константин Кизявка Лестница якобы

повесть о народном поэте

расте
тропа. вознес
главою непокор
ноб выше
Ан

16+

Константин Иванович Кизявка

Лестница якобы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51242967

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07570-2

Аннотация

Ваши стихи отверг редактор? Да что он смыслит в народной поэзии! Людям же нравится, и это главное! Главное ли? В этих странных вопросах пытается разобраться автор книги.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	9
Глава третья	16
Глава четвертая	18
Глава пятая	25
Глава шестая	31
Глава седьмая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава первая

Рыжий закат лениво полыхал в комнате Архипа Семеновича Якобы. Чарующими полутенями выплясывали на стареньких обоях желто-красные протуберанцы. Мутное пятно проекции тела занудной жирной мухи на светящееся золотом полотно стен уверенно выписывало функцию канонической гиперболы, соединяющей силуэты цветка герани, треснувшего заварного пирожного и греческого профиля самого Якобы.

Обладатель профиля, умудренный опытом и временем седой человек, уже час искал рифму к слову «потеря». Три варианта зудели в голове, пристраиваясь в конец сочиняемой строки: «не верю», «отмерен» и «тетеря». «Тетеря» отбрасывалась сразу по причине явной вульгарности, а «не верю» и «отмерен» не хотели вписываться по смыслу.

В коридоре звякнуло и царапнуло. Щелкнул замок, скрипнула открывающаяся дверь.

– Архипушка, это я!

Архип улыбнулся ясной тихой радостью. Сестрица Нинель!

– Да, родная, – крикнул он в сторону коридора. – Я тут работаю! Над рифмой бьюсь!

– Хорошо, хорошо! Если что, я на кухне, кушать готовлю!

– Добро!

Архип повернулся к монитору. Текст посвящался умершей два года назад любимой жене Леночке.

Забилось многое давно

Уже прошла та потеря,

Но я смотрю в своё окно

На двор, который мне отмерен...

Что за глупость! Как это двор отмерен! Кто его мерил? Не пойдёт. Нужно что-то другое. Может быть, всё-таки «не верю».

Например:

Но я смотрю в своё окно

И в то, что вижу, я не верю...

Нет. Я же не верю в её смерть. При чём тут то, что я вижу. Поэт должен быть честен. Кто это сказал? Не помню. Может, Высоцкий?

До Архипа дошло, что он не видит комнату, потерявшуюся за яркостью экрана. Ночь вползла в дом.

– Борщ готов!

Прекрасные слова! Мало кто знает, как выматывает поэтический труд. Серьезнее перекопки огорода. Аппетит зверский разгорается.

С наслаждением, усиленным зубчиком чеснока, Архип умял пару порций, довольно крикнул и авторитетно заявил:

– Божественно! Ты просто мастер кулинарии!

– Да ладно, – смутилась Нинель. – Обычный борщ...

– Не скромничай! Всё точно, как мама готовила в Пятигорске. И сало старое толчёное, и капуста в самый раз доварена. Умничка! Семейные традиции соблюдены от и до.

– Стих у тебя получился? – перебила Нинель.

– Почти. С последней строкой заморочка.

Архип по памяти прочел.

Нинель прослезилась.

– Лену вспомнила. Так хорошо написал. Будто снова ее вижу. Ты не переживай про концовку. Получится. Не забыл, что послезавтра в пятой школе перед школьниками выступишь?

– Спасибо, Нинелечка, помню. Стихи о любимом городе. Патриотическая встреча.

– Да, с директором договорилась, ждут.

Они отхлебнули дымящегося, обжигающего терпкого чая.

– Архип!

– Да.

– Ты когда издаваться начнёшь? Денег бы заработал. Машину купил, квартиру новую. Прославился бы. А то пишешь, пишешь, а никто толком про твои стихи и не знает.

– Я ж не для славы пишу! – вскинулся Архип. – Душа просит поделиться радостью, болью. Я делюсь.

– Ну и делись. Со школьниками на встречах делишься, надо так же через газеты, книжки, журналы со всеми людьми поделиться. Пусть знают, что есть такой замечательный поэт Архип Якоба. Фамилию нашу людям откроешь. А если еще денег заплатят, так разве плохо? На пенсию не особо проживешь.

– Нинеля, я ж не понимаю в этих делах ничего. Стихи писать могу. А вот пробивать их, печатать...

– А чего знать? Братишка наш меньший Мишка как пробивался в Пятигорске? В газете его напечатали. В «Пятигорском рабочем». С того момента слава и пошла. Вон уже три книжки издал.

– Так у меня книжек двадцать!

– Где? Это я тебе на принтере печатаю и скрепками соединяю. Это разве книжки? Надо, чтобы издательство, чтоб солидно. Завтра же берешь свои распечатки и в газету.

– В «Пятигорский рабочий»?

– Архипушка, что за шутки! В местную газету, конечно, на Горького. В «Батайскую правду». Отнесешь все, глядишь, хоть что-то да напечатают. Вот и слава. А там до книжки рукой подать.

– Но я ж хотел завтра на даче...

– Не пропадет без тебя твоя дача! Не пересохнет за день. Поэзия важнее. Понял?!

– Понял.

Уже ночью, в кровати, в полусне Архип поймал краем со-

знания еще одно слово, рифмующееся с «потерей». «Растерян». Хорошее же слово! Тут тебе и потеря, и растерянность. Удачное слово. И выстроилась вся строка:

Но я смотрю в своё окно

Не сломлен жизнью, но растерян.

Глава вторая

Утренний Батайск гудел спешащими на работу автомобилями, трясся и дребезжал «магнитовскими» грузовиками, шалел пряным запахом разлагающихся октябрьских каштановых листьев и немилосердно слепил красными отсветами магазинных витрин, демонстрируя городу бесплатный анонс восходящего солнца.

Архип запахнул пиджачок плотнее. Не мороз, но бодрость в воздухе пронзительная.

Редакция встретила теплом. В фойе среди дипломно-календарных стен за стареньким ресепшеном женщина по-слебальзаковского возраста внимательно изучала вошедшего поэта.

- Здравствуйте, – просто приветствовал Архип.
- Доброе утро! По какой-то проблеме?
- Я стихи принес.
- Опубликовать?
- Да.
- Давайте, я вам пропуск оформлю. Зайдете к главному редактору. А он вас определит к журналисту. Покажите, что у вас там.

Архип положил на ресепшен папку с сотней распечатанных на принтере стихов. Посмотрел на женщину. Похоже, не удивилась объему. Наверное, такие количества текста – дело

привычное.

– Распишитесь здесь. Ага. Хорошо. Теперь по коридору, первая дверь направо. Постучитесь и пропуск покажите.

Постучался, толкнул дверь, вынырнул из проходного полумрака в роскошную светлость начальственного кабинета.

Сидящий за широким столом человек поднял голову, обнаружив черные усики и внимательные щелочки-глазки.

– Вот, – Архип показал пропуск-индულгенцию, оправдывающую внезапное вторжение.

– Так-так, – отрывисто стрекотнул редактор, принимая бумаги поэта. – Стихи? Прекрасно! Давно пишете?

– Всю жизнь.

– Молодца! А чего к нам? Почему не в Союз писателей?

– Москва не сразу строилась, – Архипу показалось удачной эта всплывшая из глубин бессознательного фраза. – Сначала в любимой газете, а потом всё остальное.

Редактору понравилось. Расплылся в улыбке.

– Отлично! Направлю вас к Некрасову. Он у нас поэзией занимается.

Архип смутился. Отсылка к классику показалась какой-то издевкой. Редактор понял растерянность посетителя.

– Это журналист у нас такой работает, – пояснил он. – Некрасов его фамилия. Игнат Валерьевич. Не тот, что «в лесу раздавался топор дровосека». Наш, местный.

Сзади кто-то тихо красиво дышал. Архип обернулся, обнаружив стройную молодую женщину с ворохом документов

в руках.

– Ирочка! – обрадовался редактор. – Тут поэт к Некрасову. Покажешь, куда идти. А потом я тебя приму.

Архипу померещилось, будто по лицу Ирочки пробежало темное облачко недовольства.

– Хорошо, Вадим Викторович, – лицо девушки все же осветилось улыбкой. – Идите за мной, покажу.

Темный коридор пах старой бумагой и сыростью. Минув несколько закрытых дверей, перешагнули избитый посетителями порог и вошли в просторный кабинет. Сразу три журналиста – мужчина и две женщины – звонко шлепали пальцами по клавиатурам.

– Игнат! – позвала Ирина мужчину. Тот неохотно оторвался от монитора. – К тебе. Стихи.

Ушла.

Игнат с интересом смотрел на Архипа. Глубокий шрам делил неровной линией левую щеку журналиста пополам. Зловещий такой шрам. И человек показался Архипу смутно зловещим, где-то в самой глубине сущности, далеко за вот этой добродушной и открытой улыбкой.

– Присаживайтесь, – почти ласково показал Некрасов на пустой стул. – Давайте ваши произведения.

Архип протянул папку, присел.

Глаза Некрасова загорелись нехорошим интересом, но чем дальше он листал распечатки, тем меньше искр оставалось во взгляде.

Даже не тронув вторую половину стихов, журналист небрежно отбросил папочку на стол и посмотрел на Архипа с нескрываемой тоской.

– Не пойдёт! Очень плохо.

Это было странно и обидно. Такого отношения к труду души Архип не встречал нигде. Немногочисленные читатели – друзья и родственники не страдали ни черствостью, ни бездушием. Они разделяли боль, радость, юмор Архипа... Многие хвалили. Некоторые плакали. А тут абсолютное бессердечие. Набравшись смелости, Якоба перешагнул гордость:

– А что именно Вам не понравилось? Скажите, я исправлю.

Журналист натурально удивился.

– В самом деле? Вы готовы что-то менять? Готовы расти как поэт?

– Готов!

– Поразительно! Обычно приходят законченные гении. Они восхитительны. Их стихи великолепны. А все, кто их критикует, бездарные тупицы. Вы первый, кто готов что-то менять.

Архип смутился.

– Ну, мы же не боги! Никто не совершенен. Всем надо развиваться.

– Отлично! Тогда давайте начнём.

Некрасов схватил папку и, не заморачиваясь, распахнул где-то на середине.

– Вот, например:

*На полянке, где было все тихо,
мы сидели вдвоём вместе с ней
Очарованный девушкой лихой
Был охвачен я жаром страстей.*

*Засыпали овраги и балки
В травах снова запели сверчки
Разомлелый я брал неумело
Ее руки в ладони в свои.*

– Чувствуете, как удивительно плохо написано?!

Архип внимательно посмотрел на достаточно молодого, но уже, очевидно, слишком высокого о себе мнения, персонажа. Поинтересовался:

– Вы когда-нибудь любили?

– При чём здесь это?

– Понятно, не любили. А ведь стихотворение о первой юношеской влюблённости. Мы ушли в горы. Ушли от всех. Остались вдвоём. Поэтому тишина. Я растерян. Она без умолку болтает. И я пытаюсь ее обнять. Это очень личное. Не стоит в этом копать.

– Но вы же пишете для людей. Вы же приносите в газету. И при чем здесь личное-неличное? Я о русском языке. На-

писано безграмотно.

Архип почувствовал, как сердце сдавливает гнев. Где этот сорокалетний юнец нашел в его стихах ошибку? Стихи проверяла Нинелечка, а она учитель русского языка и литературы от Бога! Расплескивающееся возмущение жгло грудь и мешало говорить. Коварный Некрасов этим воспользовался.

– Начнём с рифмы. «Тихо» и «лихой». В принципе, если во втором слове ударение делать на «о», все нормально, но ударение с вашим ритмом падает на «и» – вот вам первая абракадабра. Дальше «вдвоём вместе с ней» – такого количества ненужных уточнений я не помню даже у самых лютых графоманов нашего города. А «ее руки в ладони в свои»? Что? Была вероятность взять не ее руки и не в свои ладони? Или вот еще: «жаром страстей» – разве не чувствуете, как пошло, избито звучит?

Архип не выдержал:

– Отчего же пошло?! Никаких непристойностей я в стихах не употребляю! Не надо приписывать мне то, чего нет. Что касается рифмы, возможно, вы в чем-то правы. Я не изучал рифм. Пишу, как сердце подсказывает. Но у меня богатый опыт чтения. Я перечитал всего Лермонтова и почти всего Пушкина. Я читаю современных поэтов. Люблю Высоцкого...

– Хорошо! Однако, если хотим развиваться, будем честны. Огрехов много. Такое печатать нельзя. Доработаете, приносите.

И отвернулся к монитору.

Архипа охватила невыносимая усталость. Где таких штампуют? В каких институтах? Вроде бы всего-ничего пообщались, а выжал, гад, критик, всю энергию. Вампир литературный.

Якоба взял папочку, пошел к двери. На пороге, в отличие от местных хамов, сказал очень вежливо:

– До свидания! Всего хорошего.

В фойе о чем-то спорила с администраторшей уже знакомая Ирина.

– Ну как? – заметила она Архипа.

– Отказал.

– Я и не сомневалась. Он всем отказывает. Только не отчаивайтесь! Все меняется. Будет и на нашей с вами улице праздник.

Глава третья

Три часа потолка. Старый, в разводах и бурых потёках, неровный стыками плит, барьер между Архипом и Небом.

Якоба летел вокруг земной оси со скоростью 1275 километров в час, лежа в кровати на спине, раскинув руки. Относительность времени постулировалась сознанием, как абсолютная истина. Банальные фразы о том, что времени просто нет, а момент вечен, стали реальностью. Школьники определили бы это состояние фразой: «Архип тупил», но такая приземленная формулировка не учла бы глубочайшие аспекты трансцендентного переживания, сильно отличавшие сущность того, что чувствовал Якоба, от того, что переживает типичный тупящий школьник.

Движение ума, так нелюбимое восточными мистиками, остановилось не путем сложных духовных практик, а лишь сильным душевным напряжением, встряхнувшим Якобу. Но, к большому сожалению для нас с вами, мой читатель, этот же спонтанный интеллектуальный вакуум помешал Архипу понять, насколько близок он был к тому, что в далекой Индии принято называть «самадхи».

– Ну как? – голос Нинель вернул поэта в батайское измерение.

– Что как, солнышко?

– Когда стихи твои в газете напечатают?

– Никогда!

– Что за пессимизм? Тебе что, отказали?

– Не совсем...

– Как это не совсем? Тут или да, или нет, третьего не дано.

Договаривай, братишка!

– Сказали, нужно поправить.

– Ну, вот. Значит, готовы принять! А ты сразу «никогда»!

Нинель улыбалась. И Архип почувствовал как испаряется неуверенность, как тает обида, как появляется надежда на радость. В самом деле, ему же не сказали, что не будут печатать. Просто указали на ошибки. Нужно только подучиться чуть-чуть, узнать у продвинутых людей, что такое рифма, по каким законам она выстраивается и все! Стихи тут же окажутся в газете!

Нинель словно читала его мысли:

– Сходишь в поэтический кружок, посоветуешься с грамотными людьми и все поправишь! Заседание у них сегодня вечером, и Маргарита Михайловна, директор библиотеки, тебя, как всегда, приглашала.

– Нинелюшка! А борщик у нас еще остался? Что-то я проголодался!

Глава четвертая

Центральная батайская библиотека – место силы. Все маги, колдуны и даже обыкновенные экстрасенсы города обожают мероприятия, спорадически приключаящиеся в этом королевстве пыльных страниц. «Библионочь», «Библиоглобус», «Библиофантазия», «Библиофобия» и даже «Библио-библия» ежегодно врываются в душную провинциальность Батайска эдаким морским бора, дающим силы жить в серости местного культурно-информационного потока. «Никто не застрахован от забытия!» Эту фразу директора библиотеки Маргариты Михайловны Ленц, сказанную на встрече по случаю годовщины смерти «нашего всего», Пушкина А.С., не раз цитировали местные газеты «Батайская правда» и «Бремя Батайска», и даже областное издание «Забывтый комсомолец». Что, безусловно, говорит о важности библиотеки как в жизни города, так и в судьбе более солидного административного объекта – целой Ростовской области.

Архип Семенович чувствовал себя в стенах элитного заведения не очень уютно. До поэтического кружка оставалось еще десять минут, а матерые батайские писатели уже занимали места за партами в читальном зале. Как примут они нового жителя своего Парнаса, какую оценку дадут титаническому и в то же время скромному труду начинающего поэта? Не исключено, что просто попросят удалиться.

– Господа! – одна из поэтесс встала за трибуну. Архип помнил ее по фотографиям в «Батайской правде». Альбина Петрова. Пишет детские стихи. Терпимые, в целом.

– Прошу внимания! Как секретарь сегодняшнего заседания, прошу отключить мобильные телефоны.

Сердитый взгляд секретаря обратился в сторону единственной в зале молодой, лет двадцати пяти, девушки, тыкающей пальчиком в экран заморского гаджета. Девушка хмыкнула, но телефон убрала. Остальные семнадцать поэтов смотрели с неодобрением.

– Руководитель кружка Алина Лёшина задерживается, – продолжила выступающая, – а время, как вы видите, уже девятнадцать ноль ноль. Пора. И по традиции, начнем с декламации. Чтобы не создавать излишней суеты: садиться, вставать, выходить за трибуну, уходить с трибуны – начну со своего нового стихотворения. Я назвала его «Весна в Батайске».

Голос Петровой оказался глубоким и торжественным, отчего звучащее напоминало какую-то песню:

*Все стало вокруг голубым и зеленым,
В ручьях забурлила, запела вода.
Вся жизнь потекла по весенним законам,
Теперь от любви не уйти никуда,
Не уйти никуда, никуда.*

Любовь от себя никого не отпустит.

*Над каждым окошком поют соловьи.
Любовь никогда не бывает без грусти,
А это приятней, чем грусть без любви.*

В конце поэтесса театрально склонила голову, и зал разразился аплодисментами. Только два старичка на задней парте о чем-то шушукались и саркастически хихикали. Это выглядело неуважительно к чтецу и Якоба, покраснев за коллег, отвернулся к трибуне.

Выступили еще шесть поэтов, после чего вновь взобравшаяся на трибуну Петрова торжественно провозгласила:

– У нас в зале присутствует новенький!

Девятнадцать пар глаз вперились в смущенного Архипа Семеновича.

– Знакомьтесь! Архип Якоба! И сейчас он прочтет нам пару своих произведений!

Аплодисменты грохнули, как трубы Апокалипсиса. Якоба нетвердой походкой просеменил к трибуне, развернул рукописи и замер.

В это же время, так уж пересеклись космические сферы, на пороге возникла энергичная руководительница кружка, автор нескольких официально изданных книг Алина Лёшина.

Увидев растерянный взгляд Якобы, руководительница махнула рукой:

– Новенький? Читайте, читайте!

И по-махновски лихо бухнулась за одну из парт посередине зала.

Что прочитать этим монстрам поэзии? Чем удивить или хотя бы расположить к себе? Лихорадочное перелистывание обнажило тот самый стих. Якобу обдало горячим ветром афганских пустынь. Когда «за речкой» все начиналось, он служил на заставе поваром. Видел, как самолеты и вертолеты летели на ту сторону. Был в самом сердце будущей войны. Покоевать не успел, потому как дембельнулся, но ощущение войны осталось в памяти на всю жизнь.

– Стихотворение «Черная речка»! – задрезбевшим от волнения голосом сказал Якоба. – Посвящаю ребятам, погибшим в Афганистане.

*Летят на ту сторону вертушки
Суровая пора настала
За речкою вовсю грохочут пушки
И жить тем многим уже очень мало.*

*Все кто стоит вокруг не все погибнут,
И кто-то к матери домой вернется,
Но кому-то нет несчастья в той године сгинуть,
А кто-то с боя никогда уж не вернется.*

*Я помню пороха разрывы и снаряды
И долгий бой в пустыне Кандагара*

*Мы любим мир и никогда на свете
Мы не хотим здесь нового пожара.*

Голос Архипа по мере чтения креп, передавая собравшимся все более возвышенные эмоции, а в конце Якоба почувствовал слезы на щеках, и с удивлением обнаружил такие же слезы понимания у многих из сидевших в зале поэтов. Только руководительница непонятно ухмылялась. Впрочем, женщине не обязательно понимать суровую мужскую военную поэзию.

Лёшина вежливо похлопала вместе со всеми чем исправила не слишком приятное о ней впечатление.

– Поприветствуем нашего нового автора, – сказала она. – Прекрасный жизненный опыт позволит ему написать еще много замечательных стихов! А мы поможем!

Все-таки прекрасный! Поняла-таки мысль! Ну что же, нормальный руководитель!

Еще полчаса все читали свои произведения. Алина Лёшина тоже «блеснула». На удивление Архипа, это оказались незрелые, даже туповатые строчки. Сами посудите:

*Закутав плечи в облака,
на крышах осень почивала –
все чаще окоченевала
ее шафранная рука.*

Кто кого закутал? Во что? В облака? Почему почивала? Какая рука? При чем здесь экзотическая приправа? Нагромодила Алина Игоревна бог весть чего и выдает замысловатой поэзией. До Пушкина ой как далеко! Впрочем, у всех свои недостатки. От последней мысли Архипу вдруг сделалось так тепло и уютно, как у мамы в детстве на печке. Ведь и вправду, все мы люди, все мы ошибаемся, но главное, что все мы – одна большая поэтическая семья! На волне нахлынувшей нежности Якоба подошел к Лёшиной и тихонько тронув рукой, сказал:

– Хорошие у вас стихи.

И пожалел, что сказал. Говорит же русская мудрость, что есть вещи, которые лучше не трогать.

– Неплохи, – согласилась руководительница, – а вот ваши слабоваты. И правильно, что пришли к нам. Поможем, что называется, раскрыться. Возведем на поэтический Олимп.

Сколько самомнения! Какой пафос! Архип ничем не выдал охватившего его отворачивания и быстро отошел в сторону.

Тут же почувствовал, как кто-то трогает. Секретарь. Альбина Петрова.

– Она у нас такая! Жесткая. Я бы сказала, жестокая. Не слушайте, хорошие у вас стихи. С душой. С сердцем. Вот, возьмите книжечку, тут теория стихосложения. Прочитаете и будете с ней на одном уровне. Недорого. Пятьдесят рублей.

На счастье, в кармане нашлась сотка. Архип с волнением распахнул тонкую брошюрку и понял, это именно то, что

сейчас нужно. Тут тебе и «рифма», и «ямб», и «хорей», и даже какой-то «амфибрахий»! Боги послали спасение – поэтическую грамотность. Горячо поблагодарив секретаря за чудесную книжку и положив в карман сдачу, Якоба попрощался с собравшимися, пообещав обязательно явиться на следующее заседание ровно через неделю.

Глава пятая

Всю ночь Архип Семенович изучал удивительный трактат. Всего десять страниц, а сколько мудрости, сколько концентрированной полезной информации, собранной за сотни лет торжества поэзии! Ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест, спондей! Математика стиха! Арифметика звучания вечности!

Мир распахнулся перед поэтом в потрясающей, скрытой от простого обывателя, невероятной и в то же время доступной теперь красоте. Всего за ночь Якоба стал другим человеком. Теперь он понимал все, чего не видел раньше. Теперь был согласен даже с Лёшиной, даже с Некрасовым. Совершенно справедливо критиковали они его творения, полные души, но напрочь лишенные гармонии.

Архип бросился к своим стихам и обнаружил множественные нарушения хорей и ямба в написанном. О, как же далеки его стишки от того, что Пушкину казалось естественным и понятным по причине того, что гений учился в лицее, где наверняка проходили такие фортеля.

Под утро уставший от волнительных событий Якоба заснул, сжимая в руках книжицу и твердо зная, что такое четырехстопный хорей и пятистопный ямб.

Разбудила Нинель.

– Ты б поел, Архипушка! – глаза заботливые, добрые. – Тебе через час к детям идти.

– Что бы я без тебя делал, сестрица! Хорошая ты моя!

За завтраком Архип не удержался:

– Всё, Нинелюшка! Я просветился!

Нинель посмотрела с интересом.

– Я понял, как писать стихи, чтобы они были как у лучших, как у Пушкина, Лермонтова, Рубцова. Представляешь, есть четкие правила, есть созвучие, есть такие интересные вещи, о которых я даже не подозревал!

Нинель кивнула. Ну да, она же учитель литературы, кое-что из этого знает и так. Может, не настолько глубоко, как открылось Якобе, но не в диковинку все эти анапесты...

– Я посмотрел стихи свои и нашел недочеты. Я исправлю, и тогда они увидят, что я хотел сказать, а не какие-то корявости в тексте.

– Вот и молодец, Архипушка! Покажи им всем, где раки зимуют! И давай уже одевайся на встречу. Времени мало.

Актовый зал пятой школы, старенький, с побитыми стенами и крошащимся потолком, был тщательно выметен и помыт. Гул разнотонных голосов густым звуковым туманом висел над сотней кресел и стульев, заполненных людьми. Мальчишки, девчонки, учителя, родители и другие, не входящие в школьный «кадастр» субъекты, по разным причинам оказались здесь, дабы приобщиться к высокому миру поэтиче-

ских образов и аллюзий.

– Вы должны прийти! – сказала по этому поводу неделю назад на общешкольной линейке директриса. – Иначе я расценю это как неуважение к культуре и лично ко мне.

Архип раскладывал бумаги на столике, установленном на сцене. Происходящее напоминало ему какую-нибудь встречу с Евгением Евтушенко, виденную по телевизору. Конечно, скромных масштабов, по причине не такой уж огромной величины поэта.

Наконец ведущая, учительница в солидном возрасте и строгом платье, сидевшая рядом с Якобой, взяла микрофон:

– Друзья! Мы собрались здесь не как учителя и ученики. Мы пришли сюда не для того чтобы празднично провести предстоящий час. Нет. Сама судьба объединила нас, чтобы показать волшебный мир слова...

– Абрамов! – голос учительницы профессионально взлетел от контральто к сопрано. – Тебе неинтересна поэзия?! Тебя не волнуют высоты духа?!

Красный от стыда Абрамов неловко поднялся над товарищами по заднему ряду.

– Мне интересно, – промямлил он. – Волнуют.

– Садись, Абрамов. Может быть, именно сегодня ты делаешь шаг к тому, чтобы стать уже человеком с большой буквы! Перед вами, друзья мои, известный батайский поэт Архип Семенович Якоба!

И ударила в ладоши.

Аплодисменты оглушали. Умеют батайчане достучаться до сердца артиста или поэта. Благодарная публика.

Архип встал и взял в руки бумажку. Поправить ямб и хорей еще не успел, впрочем, это было ни к чему. Школьникам непонятны литературоведческие термины критиканов. Они чувствуют сердцем.

– Стихотворение называется «Осеннее покрывало». Я сочинил его пять лет назад, но оно и сейчас вызывает у меня самые светлые воспоминания о той поре. Вот, слушайте:

*Той осенью листва опала
Ковром листва наземь легла
Багрово-желтым одеялом
Она украсила пейзаж.*

*И скоро лед скует уж лужи
Но не ударил тут мороз
Задолго до холодной стужи
Нам покрывало день принес.*

*Под тем, под пестрым одеялом
Хранится все что было здесь.
Что зеленело, опадало
Что радость нам смогло принести.*

И вновь невероятной мощности аплодисменты сотрясли зал. На задних рядах заснувший было двоешник встрепенулся и отчаянно застучал в ладоши. Кто-то не удержался и крикнул: «Браво! Бис!!!»

Еще немного и Якоба расплакался бы. Из души в душу прошли строки. От сердца поэта к сердцу народному. Вот для кого надо писать! Для народа! А не для дармоедов, присосавшихся к поэзии, всяческих там знатоков и критиканов. Не дожидаясь слез, Якоба зачитал еще одно стихотворение, а потом еще и еще, пока ведущая не прервала его феерический словесный полет фразой:

– Ну вот и всё! Есть еще несколько минут для вопросов и ответов, а потом мы вынуждены закончить встречу. Время. Дети, у кого есть вопросы?

Зал молчал. Вопрос звенел в воздухе. Школьники прятали глаза, учителя оглядывались по сторонам.

– Бойко! – ведущая высмотрела кого-то в зале. – Ты хочешь что-то спросить, Ларочка?

Поднялась растерянная старшеклассница. Глянула в памятую бумажку.

– Вопрос, – сказала неуверенно, но громко. – В каком году вы начинаем свапервон стихатвуян?

– Это по-армянски? – уточнил Якоба у совершенно растерянной девочки.

Девочка посмотрела на ведущую.

– Раиса Федотьевна! Что это за почерк?

Ведущая загрустила.

– Ну что же ты, Бойко! Совсем вопрос не читала до этого момента?

– Мы класс мыли, Раиса Федотьевна! Ни секундоочки свободной не было!

– А ты Маше, соседке, дай прочитать.

Маша схватила бумажку и, после секундной паузы, возбужденно зашептала провинившейся девочке в ухо. Глаза Ларисы Бойко уменьшили степень замешательства и округлости.

– В каком году, – сказала она, твердо глядя в лицо поэту, – вы написали свое первое стихотворение?

Архип Семенович задумался.

– Честно говоря, плохо помню. Мои родители писали стихи и нам, своим детям, с детства прививали любовь к поэзии. Поэтому вполне возможно, что я начал писать уже лет в пять-шесть. Это было что-то детское, наивное.

– Спасибо за вопрос, Лариса, – уже повеселее сказала ведущая. – На этом будем считать нашу встречу законченной. Все свободны. Желающих получить автограф автора прошу на сцену.

Глава шестая

– Ты молодец! – Архип и Нинель сидели на кухне за столом и сестра хвалила брата за мощное выступление. – Ты подобрал такие классные стихи! Дети уходили с такими глазами! И про родителей наших вспомнил! Какой ты у меня... хороший!

– Не преувеличивай! Никакой я не хороший. А что, детям и вправду понравилось?

– Конечно! Они просто светились! Одухотворенные! Ты же им про любовь, про счастье, про доброту. А не всякие там игреки, иксы, гипотенузы...

Архип улыбался счастливо и безмятежно. Дети они такие. Они часть народа, часть тех, кто жаждет его поэзию, но из-за всяких критиков, стоящих на пути, не может ей насладиться. Кстати!

– Нинелюшка! Я срочно редактировать стихи. Послезавтра с утра пойду в редакцию. Надо хорошо подготовиться и все исправить. Чтобы ни к чему придраться не могли. Возьму пять стихов для начала и напечатаю. А остальное потом.

– Правильно, братик, начинать надо с малого, мама всегда это говорила. Они посидели еще немного, помолчали, и Архип пошел в комнату, творить.

Первое, что попало под руку – «Не уходи». Так назвал он воплощенное в буквах ощущение глубочайшей боли по поводу рано оставившей мир любимой Лены.

*Лист упал с ясеня
Тихим летним днем.
Не скажу я себе,
Что чувствовал при том.*

*Жил с листом тем рядышком
Я многие года.
Любовался зеленым им
Порою иногда.*

*И вот желтый странник
Лежит у ног моих.
Затих ветер на дворе,
И я навеки стих.*

Слезы защипали глаза. Архип смахнул их рукой. Вот, вроде бы сказано все, что можно сказать. И сравнения поэтические не хуже пушкинских. А с рифмой и размером, конечно, беда.

Следуя купленной на собрании поэтов книге, Якоба посчитал количество слогов в строчках. В рифмующихся строках это количество, согласно советам автора, должно было

совпадать.

Математика ясно говорила о недостатках.

Лист упал с ясеня = 6. Не скажу я себе = 6. Тут все хорошо. А вот во второй – четвертой строках непорядок. Тихим летним днем = 5. Что чувствовал при том = 6. Нужно либо добавлять слог во вторую строку, либо убирать из четвертой.

Добавил слог во вторую. Получилось:

Тем тихим летним днем.

Неплохо.

Второе четверостишие, по определению рифмы из книги, вообще стихотворением не являлось. Бардак и с рифмой, и с ритмом.

7-8

6-6

Нужно зарифмовать «рядышком» и «зеленым им» и убрать слог из третьей строки. Практически невозможной задачей показалось подобрать рифму к слову «рядышком». Но кто ищет, тот найдет, и через сорок минут получилось следующее:

Жил с листом тем рядышком

Я многие года.

Любовался ладушкой

Порою иногда.

Теперь и рифма, и количество слогов были в норме. Оставалось третье четверостишие, но и оно сдалось через полчаса работы.

И вот желтый странник

Лежит у ног моих.

Затих тот посланник,

И я навеки стих.

Архип довольно крякнул и потянулся. А ничего сложного в этой высокой поэзии нет. И чего критиканы так кичатся своими «тайными знаниями». Скажи ты поэту из народа, так мол и так, тут у тебя, брат, восемь слогов, а тут пять. Выровняй, пожалуйста! И что, не поймем, что ли? Поймем, ясное дело. Нет, изображают из себя невесть что. Зануды!

Якоба поколдовал еще шесть часов и целых пять стихов были готовы к публикации хоть в батайской, хоть и в самой российской прессе. Идеальные ритмы, идеальные рифмы. Четкий ямб, впечатляющий амфибрахий.

Нинель выслушала. Одобрила.

Заснул легко, готовый к бою.

Глава седьмая

Воскресным утром Архип бодренько шагал от автобусной остановки к любимой даче.

Середина осени. Небо в ломаных тонких черных линиях вороньих стай. Лохмотья распаханной земли схватились ночью морозцем, а теперь на ярком солнышке заслезились, потекли, стали будто чернее и уже не так густо, как неделю назад, пахнут пыльной сладкой сыростью. Воздух легче, резче, дышать приятнее. Гребенка ноября не добралась до лесополосы – зелено там. Только два нежелающих служить лету дезертира-клена стряхивают с мундиров желто-красные звезды. Тихо. Смелые, отказавшиеся от египетско-турецкого тепла птички чирикают, посвистывают, нагло врут, что зимы не будет, и верить им, нежась под ласковыми лучиками октябрьского солнышка, хочется страшно.

Архип повинился перед дачей за пропущенные дни. Вскопал что только можно. И грядки, и клумбы, и бровку вдоль забора со стороны дороги. Даже зачистил штыком подход к участку, да так идеально гладко, будто не глина, а асфальт под ногами. Энергия, как сказали бы лучшие батайские поэты, «била фонтаном во все стороны так сильно», что хватило силушки на поэзию. Как не увековечить такой замечательный день в искусной рифме?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.